

О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЗМА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Начало XX века является одним из кульминационных периодов в развитии русской и белорусской культур. Атмосфера пограничной эпохи с ее сложным переплетением декадансных и возрожденческих тенденций способствовала ремифологизации действительности. Циклическая концепция времени мифологической картины мира создавала иллюзию стабильности и упорядоченности бытия, заключающуюся в преодолении деструктивной направленности истории через возрождение жизненных циклов. Мифологизация пространства, как «один из способов создания метафизического пространства» [7, с. 358], позволяла ориентироваться в нем и гармонизировать сферу личностных интересов.

Актуальность данной проблематики определяется тем, что, во-первых, отличительной чертой и русской, и белорусской культур начала XX века является мифологизация действительности (ситуация в значительной степени повторяется в начале XXI века); во-вторых, мифопоэтика занимает центральное место в парадигме современных гуманитарных наук в связи со спектром философских, культурологических, филологических, религиозных, искусствоведческих аспектов, которые составляют проблемное поле мифотворчества, потому изучение ее необходимо для понимания мировоззренческих основ начала XXI века.

Специфика мифологизма в русской и белорусской литературах начала XX века обуславливалась особенностями как внутрилитературного, так и национально-культурного развития. У русских модернистов мифологизм имел абстрактно-символистский характер, в белорусской литературе – определялся в основном фольклорной образностью («беларуская літаратура пачатку XX ст. перажывала перыяд найбольш інтэнсіўнага ідэйна-мастацкага асваення міфалагічнай і фальклорнай спадчыны» [3, с. 226]). Мифологический код, как моделирующая система, в русской культуре был представлен синтезом искусства, науки, религии, стремлением «к гармонии веры и рассудка» [4, с. 47]. В богоискательстве русской интеллигенции «переиначивание христианства стало одной из важнейших черт модернистской духовности» [5, с. 22]. Белорусская литература начала XX века была ориентирована преимущественно на народную аудиторию, поэтому онтологические темы жизни и смерти, света и тьмы, хаоса и космоса и др. выражались архетипическими категориями

анимизма и антропоморфизма: «...архетипы нашей нацыі атрымалі найбольш поўнае выяўленне менавіта ў беларускай класічнай літаратуры» [6, с. 114].

Дискретное развитие определило творческую тенденцию белорусской литературы начала XX века: «за восем – дзевяць год свайго праўдзівага існавання наша паэзія прайшла ўсе шляхі, а пачасці і сцежкі, каторыя паэзія еўрапейская пратаптывала болей ста год» [1, с. 287]. Подобная ситуация наблюдалась и в русской литературе, которая за три десятилетия прошла творческий путь Европы XIX и начала XX века. Данное обстоятельство обусловило соединение в этих литературах декадентских мотивов, присущих европейской культуре конца XIX века (так называемого *fin de siècle*), с особенностями культурного возрождения, связанного в России с религиозной метафизикой, а в Беларуси – с формированием национальной идеи.

Декадентские настроения в русской литературе Серебряного века свойственны старшим символистам (Д. Мережковскому, З. Гиппиус, Ф. Сологубу), ориентированным на религиозно-мистические поиски и стремившимся сократить разрыв между философией, верой, творчеством и жизнью.

В белорусской литературе декадентские мотивы, по мнению П. Васюченко, нашли отражение в творчестве М. Богдановича [2, с. 8]. Его увлечение поэзией П. Верлена (перевод 22 стихотворений), европейский вкус и утонченность, с одной стороны, способствовали возникновению импрессионистической и символистской доминант в его произведениях, а с другой – усиливали декадансные тенденции хрупкости и уязвимости бытия.

Неоднородность литературного процесса начала XX века в связи с ремифологизацией приобретает определенную мифологическую целостность, которая сопряжена с противоположными проявлениями смерти и возрождения. Так, наряду с декадансом, этот период называют и культурным ренессансом (ренессанс в данном случае понимается как метафора культурного расцвета).

В русской литературе возрождение начала XX века связано во многом с творчеством младосимволистов (А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова). «Русский ренессанс» (термин введен Н. Бердяевым) был обращен прежде всего к религиозно-мистической действительности творца-художника. Утраченная гармония, характерная для мировоззрения классической эпохи, интуитивно постигалась младосимволистами в сфере эмоциональной памяти архетипических систем, где сосредоточена вся безграничность топоса и хроноса искусства. Отчужденность и абсурдность человеческого существования породили особую философию жизни, основанную на разрыве двух миров – видимостей и сущностей, ощутить единство которых представлялось возможным только в символично-мифологических образах,

которые, с одной стороны, стали универсальным арсеналом онтологических моделей, а с другой – позволили воплотить авторское видение мира.

Для Беларуси ренессанс начала XX века связан с понятием национального возрождения, которое предполагает, во-первых, возрождение исторического самосознания народа; во-вторых, создание национальных форм государственности; в-третьих, возрождение национальной культуры и языка.

Романтический идеал свободы и идеализация национальных духовных ценностей послужили основой для мифологического типа культуры. Обращение творческого гения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, М. Горецкого и др. к народной культуре и мифологическим истокам содействовало созданию классической белорусской литературы. В связи с тем, что фольклорное начало соединялось с символическими смыслами произведений, литературные образы стали восприниматься как архетипы. В монографии Т. Шамякиной «Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія» на художественной основе исследуется белорусский национальный миф, формировавшийся в начале XX века [6].

Таким образом, основу художественного мышления русской и белорусской культур начала XX века составляют мифологические тенденции, приобретающие разные векторы развития, которые обусловлены мировоззренческим контекстом. Для белорусского менталитета характерна идея значимости близкого, так называемой «тутэйшасці», способствующей обращению к народным традициям и языческой мифологии. Русская же нацеленность на далекое, вселенское определяет глобальность масштабов поставленных вопросов и целей.

Літаратура

1. Багдановіч, М. Забыты шлях / М. Багдановіч // Поўны збор твораў. У 3 т. – 2-е. выд. – Мінск: Бел. навука, 2001. – Т. 2. Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – С. 286 – 291.
2. Васючэнка, П. Славянскі сімвалізм: нацыянальна-адметнае і агульнае / П. Васючэнка; XII Міжнар. з'езд славістаў. – Мінск, 1998. – 20 с.
3. Каваленка, В.А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В.А. Каваленка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 320 с.
4. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX – XX веков: современное прочтение: Учеб.-метод. пособие / Автор-составитель Г.Я. Миненков. – Минск: ЕГУ, 2003. – 656 с.
5. Толмачев, В.М. Декаданс: опыт культурологической характеристики / В.М. Толмачев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1991. – № 5. – С. 18 – 28.

6. Шамякіна, Т.І. Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія / Т.І. Шамякіна. – Мінск: БДУ, 2001. – 238 с.

7. Щукина, Д.А. Мифологизация пространства у Блока и Булгакова / Д.А. Щукина // Александр Блок и мировая культура: Материалы научной конференции 14 – 17 марта 2000 г. / Отв. ред. В.В. Мусатов, сост. Т.В. Игошева. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. – 2000. – С. 357 – 368.